

ЮЗЕФ ТИШНЕР, АЛЕКСАНДР МЕНЬ И ПРОБЛЕМА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ПОНИМАНИЯ

З'ясовано шляхом аналізу слова в зіставному аспекті сутність гуманістичної позиції О. Мень і Ю. Тишнера, проаналізовано їхні концепції *свободи*, а також тріаду: *свобода–вибір–зло*.

Ключові слова: свобода, вибір, зло, екзистенція, гуманізм.

Kogenevska-Berchinska I. Yuzef tishner, Alexander Men and Problem of International Understanding. The being of humane position of O. Men and J. Tishner is analyzed through the analysis of the word in the comparative aspect. We can find their conceptions of freedom and triangular – freedom-choice-evil.

Key words: freedom, choice, evil, existence, humanism.

В наше время очень актуальная проблематика межкультурного диалога, однако его реальность predetermined умением слушать и вслушиваться в то, что нам сообщает другой. Практикой доказано, что не существует тотальной возможности активизации такого диалога. Но еще в советское время он ширился в интеллектуальном пространстве среди поляков и русских. Риторическим является вопрос о целесообразности возрождения этой традиции вопреки обоюдным политическим играм, ведущим к тотальным конфликтам, приводящим к нежеланию слушать, а тем более, – понимать другого.

Сопоставляя суть глубоко гуманных взглядов двух духовных отцов (в прямом и переносном смысле этого слова), двух подлинных, внушающих полное доверие пастырей, мы желаем указать на одну из неиспользованных возможностей вернуться к традиции доброжелательности.

Итак, протоирей Александр Мень после мученической гибели осенью 1990 г. продолжает жить в своих текстах, которые обладают, несомненно, вневременными достоинствами, провозглашая в разных ипостасях любовь к ближнему, а также необходимость узнавать самого себя с целью самосовершенствования. Юзеф Тишнер – польский католический священник, ученый-философ и одаренный публицист с нетривиальным складом ума и широкими интеллектуальными гори-

зонтами, оставил нам тексты, которые являются также источником светлой гуманитарной мысли.

Обоих мыслителей роднит не только всестороннее образование, открытый ум, присущая им харизма, дар слова, но и прежде всего – глубокое неподдельное человеколюбие. Нет ничего странного в том, что они во многом одинаково видят и воспринимают мир, причем Мень более одухотворенный, он как бы обитает в небесах, пытаясь позвать туда своих атеизированных, обездоленных соплеменников, прошедших жестокую школу воинствующего атеизма. Вера Тишнера имеет более земной характер, он воспринимает Высшее Существо как Богочеловека, который кровно заинтересован не только в благополучной загробной жизни гоминида, но и в его радостном, по мере возможности – безболезненном, исполненном глубокого смысла существовании на этой земной юдоли.

Для обоих мыслителей характерно то, что они отмежеваются от пропагандистского семантизирования понятия „христианские ценности”, пытаясь вернуть этой номинации ее исконный, благородный смысл. В этой связи Тишнер говорит: „...Введение понятия «христианские ценности» в государственное законодательство напоминает (...) помещение дорожного знака на повороте. Люди вместо того, чтобы спокойно передвигаться, спорят о том, что именно этот знак обозначает.” [1]. Для обоих философов, между прочим, главное не то, кто является „законным владельцем” ценностей; существенно лишь то, чтобы они прочно присутствовали в нашей жизни, придавая ей смысл и содержание, приостанавливая нас в бессмысленных гонках к цели: занять любой ценой и как можно больше. Поэтому и Мень призывает „...не поддаваться потоку суеты (...), в котором мы теряем себя каждодневно. Чувство тишины, вечности, открытости ко всему, что нас окружает – это (...) не праздная мечтательность, а один из важных компонентов нашей жизни” [2]. И еще Тишнер: „Что мы будем собою представлять вне мира, открываемого благодаря ценностям? Прохвостов? Ангелов? Демонов? С полной уверенностью можно сказать, что в таком случае мы бы не были людьми” [3]. Как ни странно, он же проповедует „исторически-темпоральный” релятивизм в нашем отношении к своему внутреннему космосу: „Мир меняется во времени, а с ним мир общечеловеческих ценностей, наше понимание и наше восприятие этих ценностей” [4].

После анализа слова обоих корифеев легко убедиться, что так или иначе, они признают сверхценностью свободу, осмысливая притом всю сложность пользования ею. Тем не менее, эта мысль не всегда ярко выражена, особенно в текстах Меня, в аксиологической системе которого, по крайней мере, – вербально, выдвигается на авансцену истина–добро–красота, причем их обрамляет вера как абсолютная благодать. Данные концепты создают ауру, в которой соответственно реализуется свобода, которая „делает человека богоподобным”.

Достоинства свободы экспонирует также Тишнер: „наравне с истиной, свобода – это вторая необходима человеку ценность, без нее наша жизнь немислима (..) свобода – необходимое средство для того, чтобы человек мог сотворить самого себя как моральное существо” [6]. Остроумно и проникновенно определяет и осуждает Тишнер тоталитаризм как миропорядок, в котором „одной-единственной ценности подчиняются все остальные” [7]. Протестуя против любого рабства (в том числе религиозно-костельного), Тишнер констатирует: „Свобода коренным образом связана с сопротивлением и встает, будто гордый дорожный знак, напротив „массы проклятых во веки веков” [8]. Таким образом, в аксиологической концепции Тишнера вырисовывается изначальная триада: свобода – истина – совесть.

Итак, что есть свобода? Неосознанная необходимость? Редкий дар? Непосильный груз? Подобные сомнения имеют, пожалуй, извечный характер, и вместе с тем они существенны для любого мыслящего человека. Что же предлагают в ответ наши мыслители? В тишнеровских текстах сам феномен свободы представлен в глубоко гуманитарном освещении. Свои рефлексии автор сопровождает цитатами из трудов многочисленных корифеев „по теме”, начиная с Картезия, а Сартром и Фроммом кончая. Тишнер называет такие явления, как, например: „свобода, подвергаемая испытанию”, „свобода в развитии”, „свобода – эффективное и мудрое орудие действий”, „свобода, способствующая выбору между «подлинным и неподлинным существованием”, „свобода помилование в освобождении”, „свобода принадлежать самому себе” [9]. В этом контексте Тишнер обращает внимание на кризис тождественности польской католической церкви, которая многие десятилетия был для поляков последним бастионом свободы, и которая сегодня становится очагом

несвободы. „Изымается «если хочешь», остается «ты обязан», и человек, который в свое время именно в костеле наслаждался свободой, уходит из него” [10]. И еще более экспрессивно, более однозначно: *Отнятие свободы – это вопрос свободного выбора. Если кто-нибудь уверяет тебя в необходимости, вне твоей воли, ты начинаешь это воспринимать как несвободу* [11]. Эту мысль Тишнер развивает в другом месте: *Робость свойственна как любой потерянности, так и потерянности между рабством и свободой.. Страх потерянных оказывает влияние на прошлое и модифицирует память о нем* [12].

Что же делать с отвоеванной свободой? Как ее использовать – это экзистенциальные вопросы, которые приобретают определенный смысл *hic et nunc*: *Малодушие, зашоренность, иногда с трудом скрываемые человеконенавистничество (...). Враждебность по отношению к свободным. Она любит облачаться в святые одежды* [13]. Если согласимся с Тишнером, что свобода есть возможность реализации постулата „разрешите нам быть самим собой”, то оказывается, что современный человек очень часто не знает, что именно сделать с этим даром. На сказанное обращает внимание также Мень, рассуждая о нашем современнике: *Он не хочет быть свободным, он бежит от свободы, но это его природа. Тем не менее, он может ее исказить, унижить, но именно свобода делает его богоподобным.*

Чувство свободы и внешние императивы; реляции между ними анализируют и Тишнер, и Мень. Первый из них напоминает: *Наивысшее Добро никогда не говорит человеку „ты обязан”. А говорит „если хочешь, то можешь это сделать”* [15]. И как бы в тон сказанному, Мень: *Бог не принуждает нас выбрать путь истины, но он его открывает нам и указывает. И все зависит от решения человека* [16]. Таким образом, *нет возможности бежать от выбора, ибо бегство есть выбор* [17]. А также: *Свобода – это форма существования. Даже ничего не делая, ты свободен или несвободен* [18]. Тишнер многократно выражает убежденность в том, что в природе человека заложена перспектива свободы. Он же выявляет ее социальную амбивалентность, представляет ее как наркотическую грезу человечества, которая воплотившись в реальность, часто оказывается непосильной ношей; именно отсюда трагический вопрос: *Что делать со свободой, которая вдруг постигла наш мир?* [19].

Интересную триаду: свобода – выбор – зло анализирует Мень, акцентируя, что само стремление к ней есть иррациональный порыв, рожденный именно в свободе. Тишнер рассматривает то же явление в рациональных категориях, обращая особое внимание на владык всех времен как на источник негативных личностных и социальных эмоций. Он не оставляет без внимания современный имидж экстремального крыла польской католической церкви, обособляя в этом пространстве три категории демонов, а именно: *преследователь сатаны, религиозный активист, евангелистский голубь мира*, притом „*святых общение*” приобретает форму страстной ссоры, которая есть новый вид классовой борьбы [20]. Умозаключение Тишнера поражает не только своей простотой и подлинностью, но и побуждает к размышлениям о колоссальной сложности реализации свободы на прагматическом уровне: *Поражающее презрение к человеку есть тотальное, всепоглощающее зло* [21]. И в этой связи, следующая яркая констатация: *... в костеле господствует страсть навязывать другим свое понимание добра* [22].

Еще одна аксиологическая связь, акцентированная в процессе анализа антропоцентрических размышлений обоих духовных отцов, это свобода - выбор. Мень предостерегает: *Если мы свободные существа, для нас открыта потенциальная возможность выбрать ложный путь, притом (...) людям хочется несвободы, людей тянет к рабству. Причины разные, но это факт* [23]. Подобное суждение выражает Тишнер: *Осталось в людях внутреннее рабство. Они продолжают чувствовать себя подвластными, они все еще не могут поверить, что могут и должны сами управлять своей жизнью* [24].

Один из многочисленных парадоксов нашего бытия сводится к тому, что мы часто ставим перед собою заветные цели, протягивая руки к звездам, но постигнув желаемое, не знаем, что именно с этим завоеванием делать. Сказанное относится в высшей степени к свободе, без которой гоминид, по сути дела, не может нормально существовать, которая явится ему всегда как светлая, превыше всего цель. Тем не менее, свобода есть всегда не только ОТ ЧЕГО-ТО, но она, прежде всего, – ДЛЯ ЧЕГО-ТО. Она приобретает определенное содержание в данных условиях, она есть не только выбор, но и ответственность.

Однако разве жизненная практика подтверждает, что люди в своей массе стремятся к изначально трудным выборам, к реализации имманентно сложнейшей ответственности? *Дух свободы потенциально сворбоден, потому человек несет ответственность за свои поступки*, – напоминает Мень. Такое мировосприятие тождественно умению самопожертвовать, а также прощать и уважать не только своих единомышленников. Да, это прописные истины, но от этого не легче человеку, сгибающемуся под непосильной иногда ношей свободы выбора, в мучениях одолеваящему завоеванный статус вольного странника.

Именно поэтому очень часто, тем более в безвременье, наблюдается разочарованность в „*прелестях свободы*”. Тишнер воспринимает это в категориях угрозы; сегодня мы имеем дело с реальностью, проявляющей себя во множестве ситуаций, подтверждающих факт, что постижение свободы доступно далеко не всем; это адекватно выражено в философском недоумении: *В каких сферах человеческой личности надо искать привилегию свободы? Что в человеке наиболее существенное, наиболее основное: разум или вольная воля? (...) Ч е г о свободней является свобода? Есть ли она свобода воли? Свобода разума? Или может просто – свобода человеческой личности? А может необходимо ее искать где-то глубже?* [25]. Эти вопросы проходят красной нитью через многие книги Тишнера, например: *Я болезненно воспринимаю ограничения моей свободы, главным образом в ситуации, когда я, встречая другого человека, не понимаю его, а также он меня не понимает, ибо между нами имеется какой-то непреодолимый барьер* [26]. И в тон сказанному, в продолжение своей гуманитарной философии: *Трагизм заключается в том, что признавая заповедь „не убей ближнего”, принято считать, что ближний – это лишь тот, кто обладает моим цветом кожи, у кого мои же убеждения (...). Ты говоришь: „люблю ближнего”, но ты сам себе этих ближних выбираешь* [27].

В нашей жизни отсутствуют абсолюты, следовательно – нет и безбрежной свободы. Реальной остается необходимость внутреннего барьера, совести как фундамента выбора достойного *homo sapiens*. И есть граница, определяющая право на свободу. Она предотвращает внутреннюю анархию, аксиологический хаос, который убивает духов-

ность в человеке, теряющим таким образом внутренние ориентиры, лишаящимся возможности достойно выбирать.

Понять „нашего” человека в подобной экзистенциальной ситуации помогает Мень, напоминая: *Если б человек был лишен свободы выбирать себе путь, его свобода была бы похожа на советские выборы (...), когда тебе дали одного кандидата, и назвали это „выборы”* [28].

Сегодня, пожалуй, никто не сомневается что перспектива свободы потенциально заложена в человеческой духовной сущности. Об этом однозначно говорит Тишнер: *Человек создан для того, чтобы передавать „через себя” что есть эта бездонная свобода* (разрядка моя – И. К.–Б.).

Обязанность человека по отношению к самому себе сводится к попыткам осознать, прочувствовать, чем именно является эта *бездонная свобода* в столкновении с нашей имманентной недоскональностью? Этот трансцендентный вопрос надо соотносить с нашим постсоветским социополитическим пространством. Именно о его обитателях пишет Тишнер: *освобожденные, но еще несвободные* [29]. В подлинности такого видения вещей легко убедиться, изучая равно польскую, как и российскую общественно-политическую жизнь наших дней. Несомненно, исполненное тоски жаждающее воззвание «О дайте, дайте мне свободу!» остается символом непреходящего вожделения, причем возможность утолить ее всегда ограничена, ибо это дано далеко не всем, и далеко не всегда. Здесь уместно напомнить еще раз слова Менья: *людям хочется несвободы, людей тянет именно к рабству*. И еще: *Человек отвечает за свои поступки, поэтому он не должен ждать, что кто-то сверху будет каждый раз дергать его за веревку* [29].

Оба корифеи свободолюбивой мысли выражают свои взгляды, но тон их высказываний лишен назойливой дидактики, уверенности в своей абсолютной правоте, а это располагает к доброжелательному вслушиванию, сопровождаемому желанием услышать и поверить. Напомним проникновенную мысль А. Галича:

*Не бойтесь сумы, не бойтесь тюрьмы,
Не бойтесь ни моря, ни голода.
А бойтесь единственно только того,*

Кто скажет: я знаю, как надо ...

Тематика данных рассуждений не располагает к резюмированию, можно лишь отметить, что аксиологическая мысль высокого уровня всегда заставляет проникать в собственный внутренний мир. Отмеченный Тишнером *злполучный дар свободы* и все последствия обладания им есть содержание вечного парадокса человеческого быта и бытия. Сопоставление идей обоих духовных отцов вызывает также перспективную рефлексию о том, что не только ненависть, но и мудрая любовь к человеку имеет вневременной характер, безгранично пронизывая души посвященных и возбуждая благородный хаос в космосе жаждущих избавиться от внутреннего перепутья.

Литература

1. Tischner J. *Nieszczęsny dar wolności.*— Kraków, 1993.—S. 164.
 2. Мень А. *Мировая духовная культура. Христианство. Церковь. Лекции и беседы.*— М., 1994.— С. 56.
 3. Tischner J., *op. cit.*— S. 165.
 4. Michnik A., Tischner J., Żakowski J. *Między panem a plebanem.*— Warszawa, 1993.— S. 57.
 5. Men A., *op. cit.*— S. 182.
 6. Tischner J. *Świat ludzkiej nadziei.*— Kraków, 1992.— S. 65–66.
 7. Michnik A., Tischner J., Żakowski J., *op. cit.*— S. 35.
 8. Tischner J. *Świat ludzkiej nadziei....* S. 124.
 9. Tischner J. *Nieszczęsny dar....*— S. 71.
 10. *ibid.*— S. 172.
 11. Michnik A., Tischner J., Żakowski J. ..., *op. cit.*— S. 123.
 12. Tischner J. *W krainie schorowanej wyobraźni.*— Kraków, 1997.— S. 80.
 13. Michnik A., Tischner J., Żakowski J. ..., *op. cit.*— S. 672.
 14. Мень А. *Мировая духовная культура....*— М., 1994.— С 182.
 15. Tischner J. *Nieszczęsny dar....*— S. 160.
 16. Men A., *op. cit.*— S. 269.
 17. Tischner J., *ibid.*— S. 149
 18. Michnik A., Tischner J., Żakowski J.....— S. 124.
 19. Tischner J. *Świat ludzkiej nadziei....*— S. 134.
 20. Tischner J. *Nieszczęsny dar wolności....*— S. 101.
 21. Tischner J., *ibid.*— S. 87.
 22. Michnik A., Tischner J., Żakowski J....— S. 120.
 23. Мень А. *Быть христианином.*— М., 1994.— S. 9.
 24. Michnik A., Tischner J., Żakowski J....— S. 175.
 25. Tischner J., *Świat ludzkiej nadziei....*— S. 128.
- Michnik A., Tischner J., Żakowski J. ...— S. 666.

26. Tischner J. W krainie schorowanej wyobraźni....– S. 76.
27. Мень А. БЫТЬ христианином.– М., 1994.– С. 10.
28. Michnik A., Tischner J., Żakowski J. ...– S. 361–362.
29. Tischner J. W krainie schorowanej wyobraźni....– S. 103.

УДК 82.09

Зоряна Лановик

РОЛЬ БІБЛІЙНОЇ ЕКЗЕГЕЗИ У ФОРМУВАННІ НАЦІОНАЛЬНИХ ЛІТЕРАТУРНИХ ТРАДИЦІЙ (ДО ПРОБЛЕМИ РОЗРІЗНЕННЯ СЛОВ'ЯНСЬКОЇ ТА ЛАТИНСЬКОЇ ЕСТЕТИЧНИХ ПАРАДИГМ)

Висвітлено проблему ролі релігійного підґрунтя національних літератур. Показано, що латинська традиція, сформована на основі алегоричної концепції александрійської школи та раціоналізмі середньовічної екзегези, вплинула на літературну традицію Західної Європи. Водночас візантійська релігійна парадигма стала основою для розвитку слов'янського літературного простору. Значну увагу приділено важливості усвідомлення того факту, що літературна традиція тісно пов'язана з релігійною традицією кожної національної літератури.

Ключові слова: література, герменевтика, екзегеза, біблійна/християнська традиція.

Lanovyk Z. Significance of Bible Exegesis in Formation of the National Literary Traditions (to the Problem of Distinguishing of the Slavonic and Latin aesthetical Paradigms). The article deals with the problem of the religious background of the national literatures. It is shown that Latin tradition, based on the allegoric conception of the Alexandrian school and rationalism of the Middle Ages exegesis, influences upon the West European literary tradition. As well as the Byzantine religious paradigm was the foundation for development of the Slavonic literary space. The main attention is paid to importance of realization the fact that literary tradition is closely bound with the religion tradition of every national literature.

Key words: literature, hermeneutics, exegesis, bible/Christian tradition,

Неодноразово говорилося про те, що Біблія займає особливе місце в герменевничному універсумі: „Якщо Біблію поставити у центр космосу Західного світу, ми побачимо, що цей міфічно-метафоричний космос має всеохопну структуру, і ця структура – не якийсь хаос чи безконечні невпорядковані відлуння і збіги. Наступний крок буде в